РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Сунь Сювэнь*

РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ АРКТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ: СОСТОЯНИЕ, ВОЗМОЖНОСТИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1

Энергетическая сфера является стратегически важным направлением российско-китайских отношений, одним из приоритетов сотрудничества РФ и КНР. При этом между Москвой и Пекином сохраняются определенные противоречия, обусловленные разницей в стратегических установках и интересах двух государств, различиями в подходах к регулированию хозяйственной деятельности в Арктике, отсутствием опыта совместной практической реализации крупных проектов в регионе. В данной статье предпринята попытка предметно проанализировать современное состояние российско-китайского арктического партнерства, а также обозначить наиболее перспективные направления его развития, которые могли бы вывести двусторонние отношения на качественно новый уровень.

В первой части работы выделены основные вехи становления российско-китайского взаимодействия в энергетической сфере вообще и в Арктическом регионе в частности. Во второй части подробно изучены объективные внутренние и внешние факторы, обусловливающие повышенную заинтересованность двух государств в совместном освоении российского Севера.

Автор заключает, что в современных условиях этот интерес носит взаимодополняющий, симметричный характер. Однако на сегодняшний день практическое воплощение партнерских проектов существенно отстает от достигнутых на высшем уровне политических соглашений. В этой связи в третьей части статьи проведен анализ проекта «Ямал СПГ» – одной из наиболее успешных и динамично развивающихся к настоящему моменту совместных российско-китайских инициатив в сфере энергетического сотрудничества. Подробно рассмотрены как

* *Сунь Сювэнь* – аспирант кафедры региональных проблем мировой политики факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: sunxiuwen90@gmail.com).

стратегическое, экономическое и политическое значение программы для двух государств, так и связанные с ее реализацией финансовые, макроэкономические, геополитические, конкурентные риски и возможности их преодоления.

В заключение автор приходит к выводу, что опыт российско-китайского арктического сотрудничества в энергетической сфере может способствовать кооперации Москвы и Пекина и по другим направлениям, например совместному освоению Северного морского пути (СМП) как транзитной магистрали для доставки энергоресурсов в Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) с последующим созданием российско-китайской арктической зоны свободной торговли (АЗСТ). В связи с этим особое внимание автор предлагает уделить проектам сопряжения СМП и Морского Шелкового пути XXI века (МШП XXI в.), Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП).

Ключевые слова: Россия, РФ, Китай, КНР, Арктика, российско-китайские отношения, энергетическая безопасность, проект «Ямал СПГ», Северный морской путь, арктическая зона свободной торговли, Евразийский экономический союз, «Один пояс – один путь».

Российско-китайские отношения за более чем 20 лет прошли путь от «конструктивного партнерства»[1] до «всестороннего стратегического взаимодействия и партнерства», что способствовало развитию различных направлений совместной деятельности, среди которых одним из важнейших является освоение Арктики. В ходе недавнего визита председателя КНР Си Цзиньпина в Москву было подписано Совместное заявление РФ и КНР: в документе впервые была особо акцентирована важность российско-китайского арктического сотрудничества на межгосударственном уровне, определены параметры его развития в сферах освоения энергетических ресурсов, использования Северного морского пути (СМП), совместных научных экспедиций, полярного туризма и охраны экологической среды[2].

В то же время следует отметить, что партнерство России и Китая в регионе развивается непросто. При обсуждении китайского участия в освоении арктических нефтегазовых ресурсов часто озвучивается идея о «китайской угрозе Арктике»[3]. В основе представ-

---

[1] «Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой» от 25 января 2002 г. Доступ: http://docs.cntd.ru/document/901792686 (дата обращения: 10.06.2017).

[2] Совместное заявление РФ и КНР о дальнейшем углублении всестороннего стратегического взаимодействия и партнерства // Жэньминь Жибао. 05.07.2017. Доступ: http://news.ifeng.com/a/20170705/51376448_0.shtml (дата обращения: 05.07.2017).

[3] Mered M. How China became an ‘Arctic State’ // Beijing Review. 17.05.2013. Available at: http://www.bjreview.com.cn/quotes/txt/2013-05/17/content_543413.htm (accessed: 05.07.2017).

лений об этой угрозе лежит, с одной стороны, различное толкование международных соглашений, таких как «Договор о Шпицбергене» (1920) и «Конвенция ООН по морскому праву» (1982), а с другой – недостаток доверия в отношениях между арктическими и неарктическими государствами. При этом, по мнению части российских аналитиков, Китай рассматривает Арктику как «общее наследие человечества» и стремится продвигать проект интернационализации СМП, что идет вразрез с арктическими интересами России и создает серьезное препятствие для установления партнерства РФ и КНР в Арктике [Журавель, 2016]. Впрочем, далеко не все отечественные ученые согласны с такой точкой зрения. Так, профессор А.В. Загорский утверждает, что «различия в позициях РФ и КНР не являются отражением непреодолимых глубинных противоречий между ними. Они носят вполне конкретный характер и могут быть разрешены на основе признания того факта, что неарктические государства также имеют законные интересы и права в Арктике» [Загорский, 2016].

По мнению китайских политологов, РФ выстраивает свою арктическую стратегию, основываясь на признании своих исключительных монопольных прав в регионе, и это в значительной степени ограничивает развитие двустороннего сотрудничества. Чжао Лун в монографии «Парадигма управления Арктикой» выделяет три типа арктических государств, подчеркивая, что РФ проводит в Арктике активную конкурентную политику, США и Канада – пассивную конкурентную политику, а остальные арктические государства придерживаются ориентации на конкурентное сотрудничество [Чжао Лун, 2014]. Ли Ляньци разделяет эту позицию, отмечая, что для осуществления контроля и поддержания суверенитета над ресурсами Арктики РФ придерживается трех принципов – секторального деления, первопроходства, продолжения континентального шельфа. При этом первые два принципа сталкиваются с противодействием международного сообщества в связи с недостаточной правовой базой и непосредственно влияют на законные интересы и права неарктических государств в этом регионе [Ли Ляньци, 2012].

В то же время, несмотря на существующие проблемы и разногласия, в академических кругах России и Китая высоко оценивают перспективы арктического сотрудничества. Так, С.К. Песцов и соавторы в исследовании «Международное сотрудничество в Арктике: интересы и стратегии стран АТР» считают, что вовлечение государств региона в качестве участников, инвесторов и партнеров в российские проекты освоения Арктики позволит России получить доступ к передовым технологиям, а также обеспечит финансовую поддержку для проведения внутренних социально-экономических

реформ; эти факторы партнерства приобрели особую актуальность для Москвы в связи с «украинским кризисом». В свою очередь китайский исследователь Сяо Ян определяет проект «Ямал СПГ» как опорную точку «арктического энергетического коридора» и главный прорыв российско-китайского арктического сотрудничества, который имеет не только экономический эффект, но и стратегическое значение. Он также предположил, что совместное освоение нефтегазовых ресурсов Российской Арктики немыслимо в отрыве от развития СМП [Сяо Ян, 2016].

Китайские академические круги в целом сходятся в том, что Россия является великой арктической державой и играет лидирующую роль в развитии региона. Сунь Кай и Ван Чэньгуан отмечают, что в общей схеме российско-китайских отношений в Арктике РФ занимает сильную, руководящую позицию, а КНР – слабую и пассивную. В рамках этой схемы Пекин может реализовывать свои арктические амбиции только через сотрудничество с Москвой, причем это сотрудничество должно соответствовать или хотя бы не противоречить интересам России в Арктике [Сунь Кай, Ван Чэньгуан, 2014]. В то же время китайские ученые пытаются очертить собственную национальную идентичность в регионе, основанную на продвижении понятия «околоарктические государства». В 2013 г. Ван Синьхэ показал, что в статусе «неарктического государства» или же «околоарктического государства» Китай не сможет полностью реализовать свои национальные интересы, в том случае как статус «заинтересованной стороны» открывает куда больше возможностей в арктических делах [Ван Синьхэ, 2013].

В целом, несмотря на жесткость позиции РФ по Арктике и неопределенность политики КНР, сотрудничество двух стран в регионе продвигается успешно, в частности, в энергетической сфере. В статье автор попытается прояснить следующие вопросы:

– какое место занимает энергетическая сфера в российско-китайском всестороннем сотрудничестве в Арктике, каковы ключевые внутренние и внешние детерминанты развития нефтегазового партнерства РФ и КНР в регионе?

– на каком этапе российско-китайское арктическое сотрудничество в энергетической сфере находится в настоящий момент, какие существуют препятствия и риски для дальнейшего его развития и каковы способы их преодоления?

– как можно раскрыть потенциал взаимодействия двух стран в регионе и способствовать его дальнейшему укреплению в других сферах, какова его роль в контексте сопряжения Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и инициативы «Один пояс – один путь»?

* * *

В марте 2013 г. в ходе первого визита председателя КНР Си Цзиньпина в Москву было подписано Совместное заявление РФ и КНР о взаимовыгодном сотрудничестве и углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия. В Заявлении было отмечено, что стратегической задачей, стоящей перед РФ и КНР, является конвертация достигнутого уровня политических отношений в результаты практического сотрудничества[4], а нефтегазовая сфера рассматривается в этой связи в качестве приоритетного направления[5]. Одновременно в целях укрепления и координации партнерских отношений двух государств в сфере энергетики был открыт Энергодиалог Россия–Китай. В рамках этого диалога регулярно проходят встречи, предваряющие переговоры на высшем уровне и способствующие подписанию соглашений и реализации проектов по вопросам российско-китайского энергетического взаимодействия.

В мае 2014 г. в ходе визита президента РФ Владимира Путина в Китай было подписано Совместное заявление РФ и КНР о новом этапе отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия. Обе стороны высказались в поддержку совершенствования механизма регулярных встреч глав правительств РФ и КНР, за создание профильных рабочих групп в сфере энергетики[6]. В присутствии глав двух государств был подписан крупный контракт на поставку российского природного газа в Китай по «восточному маршруту». Договор предусматривает поставку 38 млрд кубометров сырья в год по магистральному газопроводу «Сила Сибири» в течение 30 лет (с 2018 г.)[7].

В ноябре 2014 г. также в присутствии глав двух государств были подписаны следующие документы: меморандум в сфере поставок газа из РФ в КНР по «западному маршруту» (т.е. «Сила Сибири – 2»); рамочное соглашение между «Газпромом» и Китайской националь-

---

[4] В Москве подписано Совместное заявление КНР и РФ о взаимовыгодном сотрудничестве и углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия // Жэньминь жибао. 23.03.2013. Доступ: http://russian.people.com.cn/31519/8179666.html (дата обращения: 11.03.2017).

[5] В Москве состоялась встреча Си Цзиньпина и Владимира Путина // Жэньминь жибао. 23.03.2013. Доступ: http://russian.people.com.cn/31519/8179663.html (дата обращения: 11.07.2017).

[6] Совместное заявление КНР и РФ о новом этапе отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия // Сайт Президента России. 20.05.2017. Доступ: http://kremlin.ru/supplement/1642 (дата обращения: 12.04.2017).

[7] Обзор: Как изменились китайско-российские отношения после визита В. Путина в Китай // Синьхуа Ван. 22.05.2014. Доступ: http://russian.news.cn/china/2014-05/22/c_133353929.htm (дата обращения: 12.04.2017).

ной нефтяной корпорацией (China National Petroleum Corporation, CNPC) о поставках природного газа из России в Китай; меморандум о взаимопонимании между «Газпромом» и Китайской национальной морской нефтяной корпорацией (China National Offshore Oil Corporation, CNOOC)[8].

В мае 2015 г. в ходе визита председателя КНР Си Цзиньпина в Москву на торжественные мероприятия, посвященные 70-летию Победы в Великой Отечественной войне, были подписаны Совместное заявление об углублении всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия и о продвижении взаимовыгодного сотрудничества, а также Совместное заявление о сотрудничестве по сопряжению Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП). Стороны подписали более 30 соглашений в сферах энергетики, авиации, космоса, налогов и финансов на общую сумму 25 млрд долл. Было уделено внимание проектам развития Российской Арктики и нефтегазового сотрудничества[9]. Таким образом, проблема российско-китайского энергетического взаимодействия, в том числе вопросы инфраструктуры, финансирования, налогообложения, ценообразования, в контексте сопряжения ЕАЭС и ЭПШП вышла на первый план.

В целом в последние годы регулярные визиты руководителей и встречи глав правительств двух государств способствуют эффективности российско-китайских отношений в нефтегазовой сфере, которая стала ключевой составляющей стратегического партнерства РФ и КНР.

В сентябре 2013 г. на Саммите «G20» в Санкт-Петербурге в присутствии председателя КНР Си Цзиньпина и президента РФ Владимира Путина был подписан договор о купле-продаже 20% акций проекта «Ямал СПГ» CNPC[10], что дало фактический старт арктическому сотрудничеству двух стран в сфере энергетики.

Еще в начале XXI в. ученые и политики обратили внимание на богатые запасы углеводородов, сосредоточенные в Арктическом регионе. В 2008 г. Геологическая служба США (United States Geological Survey, USGS) опубликовала доклад под названием «Circum-Arctic

---

[8] РФ и КНР подписали меморандум о поставках газа по «западному маршруту» // Россия Сегодня. 09.11.2014. Доступ: https://ria.ru/east/20141109/1032414339.html (дата обращения: 12.04.2017).

[9] Резчиков А. Россия и Китай начинают десятки совместных проектов // Деловая газета «Взгляд». 08.05.2015. Доступ: http://www.vz.ru/politics/2015/5/8/574698.print.html (дата обращения: 10.05.2017).

[10] Новатэк подписал договор о продаже CNPC 20% в капитале «Ямал СПГ» // Россия Сегодня.05.09.2013. Доступ: https://ria.ru/economy/20130905/960978037.html (дата обращения: 11.02.2017).

resource appraisal: Estimates of undiscovered oil and gas north of the Arctic Circle – CARA», который вызвал в китайском научном сообществе «арктический бум». По утверждению многих экспертов, стратегические запасы углеводородов в Арктике изменят структуру мирового энергетического рынка, что непосредственно затронет интересы Китая как крупного потребителя энергии.

По версии USGS, общий объем неразведанных нефтегазовых ресурсов всей Арктики составляет порядка 413 млрд барр. нефтяного эквивалента (н.э.), т.е. примерно 22% всех неизведанных ресурсов углеводородов на планете. При этом запасы традиционной нефти (с учетом жидких фракций природного газа, NGL) составляют около 134 млрд барр. н.э. (13–15% общемировых запасов), запасы газа – 279 барр. н.э. (примерно 30% общемировых запасов), т.е. около 70% углеводородных ресурсов всей Арктики приходится на газ. По данным USGS, Россия располагает почти 15 млрд барр. н.э. (9,4 млрд – в южной части Баренцева моря и еще 5,3 млрд – в Енисей-Хатангском бассейне). При этом ее доля с учетом NGL существенно вырастает – до 41% суммарного объема арктических запасов. В целом на Россию приходится примерно 70% общего объема неразведанных газовых запасов всей Арктики (шельфовые запасы сосредоточены в южной части Карского моря и в восточной части Баренцева) [Швец, Береснева, 2014].

Согласно последним данным ФГУП ВНИГНИ извлекаемые начальные суммарные ресурсы углеводородов (НСР УВ) арктического шельфа РФ составляют более 100 млрд т н.э., или более 87% НСР УВ всего континентального шельфа страны (Баренцево море – 24%, Печорское море – 5, Карское море – 48, море Лаптевых – 3, Восточно-Сибирское море – 4, Чукотское море – 3%). Эти углеводородные ресурсы распределены весьма неравномерно: основная часть (88,2%) приходится на западно-арктический шельф РФ. Другая особенность арктических нефтегазовых ресурсов России – резкое преобладание газовой составляющей: более 84% НСР УВ приходится на газ, около 15% – на нефть и конденсат [Каминский и др., 2014].

Сосредоточение богатых запасов углеводородов в Арктике составляет объективную основу для дальнейшего развития российско-китайского сотрудничества в энергетической сфере, которое, стоит отметить особо, в качестве фундамента всестороннего взаимодействия в регионе имеет широкие «эффекты перелива», поскольку непосредственно стимулирует совместное освоение СМП и социально-экономическое развитие вдоль него. Более того, в рамках сопряжения ЕАЭС и ЭПШП открываются перспективы созда-

ния российско-китайской арктической зоны свободной торговли (АЗСТ). Согласно Совместному заявлению[11], подписанному в мае 2015 г., стороны, руководствуясь стремлением обеспечить поступательный и устойчивый экономический рост в регионе, активизировать в нем экономическую интеграцию и сохранить региональное развитие, обязались предпринимать согласованные действия по взаимному сопряжению процессов строительства ЕАЭС и ЭПШП. Приоритетными направлениями по наращиванию регионального сотрудничества названы:

– содействие упрощению взаимного инвестирования и реализация крупных совместных инвестиционных проектов;

– укрепление взаимосвязанности в сферах логистики, транспортной инфраструктуры и интермодальных перевозок, реализация проектов инфраструктурного соразвития в целях расширения и оптимизации региональных производственных сетей;

– разработка совместных шагов по гармонизации взаимной совместимости правил и норм регулирования, торгово-экономических и иных политик в сферах взаимных интересов; рассмотрение долгосрочной цели по продвижению к ЗСТ между ЕАЭС и Китаем.

Если удастся вписать российско-китайское всестороннее арктическое сотрудничество в рамки стратегического сопряжения ЕАЭС и ЭПШП, то регион будет представлять собой уникальную площадку для развития отношений Москвы и Пекина, на которой переплетаются национальные интересы двух государств.

* * *

«Украинский кризис» стал катализатором развития российско-китайского энергетического сотрудничества в Арктике. В 2014 г. целый ряд государств (США, страны ЕС, Норвегия и т.д.) ввели в отношении РФ секторальные санкции – запрет на поставки оборудования и технологий, а также на предоставление сервисных услуг для осуществляемых «Роснефтью» и «Газпромом» («Газпромнефть») разработок морских нефтяных ресурсов Арктики. Кроме того, были установлены ограничения на привлечение российскими нефтяными компаниями и банками финансирования от зарубежных финансовых институтов. Эти меры привели к фактической приостановке участия ряда иностранных нефтяных и нефтесер-

[11] Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению сотрудничества Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути // Сайт Президента России. 08.05.2015. Доступ: http://www.kremlin.ru/supplement/4971 (дата обращения: 10.05.2017).

висных компаний, включая «ExxonMobil», в проектах на российском арктическом шельфе[12].

Из-за того, что традиционные партнеры отказались от совместных работ по освоению углеводородных ресурсов Арктики, притом что реализация северных проектов практически невозможна без участия зарубежных технологий и капиталов, РФ вынуждена была перестроить структуру сотрудничества в регионе. Характер экономики и внешнеполитическая ситуация позволяют ускорить развитие восточного направления энергетической политики и диверсифицировать нефтегазовый экспорт.

На современном этапе энергетический сектор является основным источником формирования доходов РФ (рис. 1[13]) и крупнейшим получателем государственных средств, оказывающим влияние на формирование и исполнение бюджетов всех уровней.

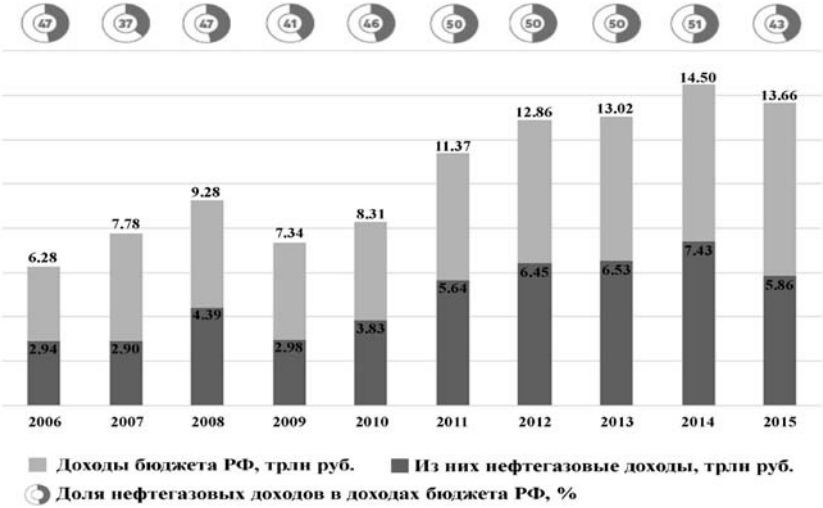

Рис. 1. **Доля нефтегазовых доходов в государственном бюджете РФ (в период 2006–2015 гг.)**

Источник: Министерство финансов РФ.

Интеграция РФ в мировую систему оборота энергоресурсов и диверсификация экспорта нефтегазовых ресурсов являются важнейшими задачами энергетической политики государства. Однако

[12] Паничкин И. Разведать и освоить // Российский совет по международным делам. 19.11.2015. Доступ: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6871#top-content (дата обращения: 12.03.2017).

[13] Доля нефтегазовых доходов в бюджете России упала до семилетнего уровня // РБК. 24.03.2016. Доступ: http://www.rbc.ru/economics/24/03/2016/56f32a639a794756a61f301e (дата обращения: 07.04.2016).

в последние годы российская нефтегазовая отрасль сталкивается с серьезным вызовом – сокращением своей доли на традиционных европейских рынках при отсутствии выхода на развивающиеся рынки государств Азиатско-Тихоокеанского региона (таблица, рис. 2[14]). Характер экономики и внешнеполитическая ситуация уже поставили российскую нефтегазовую отрасль перед необходимостью диверсификации экспорта и «поворота на Восток».

Экспорт сырой нефти из Российской Федерации, базовый сценарий, млн т

Направление	Годы						
	2010	**2015**	**2020**	**2025**	**2030**	**3035**	**2040**
СНГ	26	27	27	24	21	20	18
Европа	182	160	152	124	108	90	83
АТР	40	53	65	79	80	85	86

Источник: ИНЭИ РАН.

Рис. 2. **Российская система газопроводов, заводы СПГ и направления экспорта**
Источник: ИНЭИ РАН.

В разрабатываемой Министерством энергетики РФ «Энергетической стратегии России на период до 2035 года» (ЭС-2035)[15] указано, что в обозримом будущем быстрорастущим рынком нефти и природного газа, в том числе в виде сжиженного природного газа

[14] Прогноз развития энергетики мира и России до 2040 г. // Институт энергетических исследований российской академии наук. Доступ: https://www.eriras.ru/files/forecast_2040.pdf (дата обращения: 07.04.2017).

[15] Проект «Энергетическая стратегия России на период до 2035 года» // Клуб корпоративных собственников. Доступ: http://www.npkks.ru/fileadmin/f/documents/energ-strat-2035.pdf (дата обращения: 07.03.2017).

(СПГ), будут государства АТР. Спрос на азиатском рынке создает возможность к 2035 г. увеличить экспорт нефти из РФ в этом направлении в 1,8–2,2 раза, а природного газа – в 8–9 раз. В редакции ЭС-2035 от 1 февраля 2017 г.[16] отмечено, что перспективы увеличения энергетического экспорта на европейском направлении в сравнении с прогнозами ЭС-2030 существенно сужаются, а возможный прирост поставок на азиатском направлении требует масштабных инвестиций в развитие экспортной инфраструктуры.

В свою очередь Китай обладает финансовыми возможностями и соответствующими инвестиционными амбициями, что очень важно для совместных капитало- и наукоемких арктических проектов по освоению углеводородных ресурсов, прямые и косвенные социально-экономические эффекты от которых полностью соответствуют стратегической цели полномасштабного освоения Российской Арктики. Эта цель была зафиксирована в целом ряде стратегических документов, основными из которых являются: «Концепция государственной поддержки экономического и социального развития районов Севера» от 7 марта 2000 г.[17], «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу» от 18 сентября 2008 г.[18] и «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года» от 20 февраля 2013 г.[19] В этих документах отмечено, что одними из приоритетных направлений развития Российской Арктики являются комплексное социально-экономическое развитие региона, включая обновление его ресурсной базы за счет использования перспективных технологий и модернизации транспортной инфраструктуры; улучшение качества жизни коренного населения и социальных условий хозяйственной деятельности и т.д.

Высокий удельный вес китайского рынка в мире и потребность Китая в диверсификации импорта энергоресурсов обеспечивают РФ

---

[16] Проект Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 года (реакция от 01.02.2017) // Министерство Энергетики РФ. Доступ: http://minenergo.gov.ru/node/1920 (дата обращения: 07.03.2017).

[17] О Концепции государственной поддержки экономического и социального развития районов Севера // Техэксперт. Доступ: http://docs.cntd.ru/document/901756699 (дата обращения: 11.03.2017).

[18] Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу // Правительство России. Доступ: http://government.ru/info/18359/ (дата обращения: 11.03.2017).

[19] О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года // Правительство России. Доступ: http://government.ru/info/18360/ (дата обращения: 11.03.2017).

стабильный рынок сбыта углеводородов. Как указывает ЭС-2035, Пекин к 2018–2020 гг. сможет полностью покрыть свои потребности в топливе и существенно снизить импорт сырья для нефтехимии за счет собственных нефтеперерабатывающих заводов, однако это практически не повлияет на российско-китайское арктическое сотрудничество в энергетической сфере, поскольку в структуре углеводородных запасов Российской Арктики доминирует не нефть, а природный газ.

Опыт показывает, что одним из препятствий к освоению нефтегазовых месторождений арктического шельфа РФ являются ограниченные возможности привлечения долгосрочного финансирования. До вступления в силу 1 января 2014 г. новых налоговых правил (Федеральный закон № 268) и введения в ноябре 2014 г. поправки в Федеральный закон № 366 арктические проекты по освоению месторождений углеводородов иногда приостанавливались и оказывались нерентабельными в силу отсутствия налоговых льгот и притока капитала [Базалева, Казначеев, 2015].

В этой связи российско-китайское сотрудничество имеет широкие перспективы в сфере финансирования, которые можно условно разделить на четыре направления:

1) компания – компания (путем закупки и инвестиции, создания совместных предприятий);

2) банк – банк (путем предоставления кредитов и создания совместных инвестиционных фондов);

3) Фонд Шелкового пути (ФШП), созданный для финансирования проектов в рамках инициативы «Один пояс – один путь»;

4) многосторонние финансовые механизмы (такие как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и Новый банк развития БРИКС).

Совместное освоение нефтегазового комплекса может выступить в качестве «точки роста» и опорной базы при реализации стратегий социально-экономического развития Российской Арктики. Вовлечение Китая в качестве партнера и инвестора в арктические энергетические проекты может запустить своеобразную цепную реакцию изменений. Эксперт Российского совета по международным делам А.М. Фадеев отмечает, что разработка углеводородных месторождений может придать значительный импульс промышленности, способствовать возникновению новых рабочих мест, повышению налогооблагаемой базы, улучшению демографической ситуации. По сути, в промышленности создается основной объем внутреннего валового продукта, и именно промышленность определяет технический уровень других отраслей народного хозяйства, поэтому

значение реализации нефтегазовых проектов в арктической зоне РФ трудно переоценить[20].

Что касается Китая, то его интерес к сотрудничеству с Россией в этой сфере обусловлен рядом иных факторов.

Во-первых, энергетическая безопасность является важнейшей составляющей национальной безопасности КНР. 15 апреля 2014 г. председатель КНР Си Цзиньпин на первом заседании Совета государственной безопасности, созданного 24 января 2014 г., впервые сформулировал «Концепцию общей национальной безопасности» (Guojia zhengti anquan guan), согласно которой энергетическая безопасность входит в систему национальной безопасности Китая[21], ее обеспечение является одной из основных задач энергетической политики государства. 17 ноября 2016 г. в Китае был принят «Тринадцатый пятилетний план о национальной энергетической стратегии», в котором предусмотрены семь главных задач энергетической стратегии КНР на период 2016–2020 гг. В их числе диверсификация энергетического сектора и содействие революции в энергоснабжении, а также укрепление международного энергетического сотрудничества на основе принципов взаимной выгоды и взаимного выигрыша в связке с реализацией инициативы «Один пояс – один путь»[22].

«Новая нормальность» в китайской экономике привела к снижению темпов роста спроса на нефть. Тем не менее благодаря вводу в эксплуатацию новых нефтеперерабатывающих заводов и потребности в обеспечении резервов в 2014 г. чистый импорт сырой нефти превысил 307,75 млн т, годовой прирост – 9,7%; в 2015 г. – 332,63 млн т и прирост – 8,1%; в 2016 г. – 378,10 млн т и прирост – 13,7%. В 2014 г. чистый импорт нефти и нефтепродуктов достиг 320,46 млн т, зависимость от импорта повысилась до 62,5%; в 2015 г. – 344,33 млрд т, а зависимость от импорта составила рекордные 63,5%; наконец, в 2016 г. импорт достиг 378,30 млн т [Тянь Чуньжун, 2015, 2016, 2017].

---

[20] Фадеев А. Перспективы освоения арктического шельфа // Российский совет по международным делам. 25.03.2014. Доступ: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=3373#top-content (дата обращения: 12.02.2017).

[21] Чжунго Ван. Си Цзиньпин: придерживаться концепции «общей национальной безопасности» и идти по пути «национальной безопасности с китайской спецификой» // Китайский информационный Интернет-центр. 15.04.2014. Доступ: http://www.china.com.cn/news/2014-04/15/content_32103482.htm (дата обращения: 10.06.2017). (На кит. яз.)

[22] Тринадцатый пятилетний план о национальной энергетической стратегии // Национальная энергетическая комиссия КНР. Доступ: http://www.nea.gov.cn/2017-04/05/c_136184700.htm (дата обращения: 10.06.2017). (На кит. яз.)

Ограничения внутреннего производства привели к тому, что с 2006 г. доля импорта в потреблении природного газа в Китае увеличивается с каждым годом. В двух первых пятилетках после 2000 г. потребление газа в Китае выросло на 13,8% (2000–2005) и на 18% (2005–2010) в годовом выражении. В 2013 г. рост импорта газа составил 28,8%, зависимость от импорта выросла с 2% в 2008 г. до 31% в 2013 г. [Ли Синь, 2016]. В 2014 г. чистый импорт газа составил 55,778 млрд м^3, прирост – 13,6%; в 2015 г. – 57,122 млрд м^3, прирост – 2,4% (относительно низкий прирост с 2006 г.); в 2016 г. чистый импорт газа достиг 70,285 млрд м^3, прирост – 23,0% [Тянь Чуньжун, 2015, 2016, 2017]. Согласно прогнозу Управления по энергетической информации США (Energy Information Administration, EIA) основным источником роста мирового спроса в ближайшем будущем станут развивающиеся страны во главе с Китаем, в то время как рынок развитых стран Европы и Северной Америки будет насыщен. Китай к 2035 г. потеснит США в качестве крупнейшего мирового потребителя ископаемого топлива[23].

Стабильный рост доли импорта в потреблении природного газа вывел на первый план в стратегии обеспечения энергетической безопасности Китая вопрос диверсификации поставщиков и каналов поставок. С 2014 г. импорт сырой нефти в Китай распределяется следующим образом: Ближний Восток – 52%, Африка – 20%, Латинская Америка и Россия – по 10,7%. Газ импортируется в основном из Центральной Азии, СПГ – из Катара, Австралии, Индонезии и Малайзии (87% общего объема импорта) [Тянь Чуньжун, 2015].

Основные импортные сырьевые потоки проходят через сложный в геополитическом отношении Индо-Тихоокеанский регион, что придает вопросам стабильности каналов поставок особую значимость с точки зрения обеспечения стратегической энергетической безопасности КНР. В то же время СМП почти полностью находится в юрисдикции РФ, геополитическая обстановка в регионах, которые он пересекает, в настоящее время стабильна. Таким образом, в силу богатых нефтегазовых запасов и особого географического положения Российская Арктика занимает все более важное место в структуре источников энергии для КНР.

Во-вторых, граждане Китая уделяют все больше внимания вопросам загрязнения воздуха (так называемый Wumai) в контексте защиты прав человека и жизни народа, а также формирования имиджа великой державы. Экологическая проблема настолько

[23] Международная энергетическая перспектива 2014 // Управление по энергетической информации США. Доступ: https://www.iea.org/publications/freepublications/publication/WEO_2014_ES_English_WEB.pdf (дата обращения: 11.01.2017).

серьезна и актуальна, что уже стала одним из важнейших вызовов для китайского правительства. В ноябре 2012 г. тогдашний председатель КНР Ху Цзиньтао выступил с докладом на 18-м Национальном конгрессе Коммунистической партии и впервые вывел задачи строительства экологичной цивилизации на уровень национальной стратегии[24]. Необходимость и актуальность нормализации структуры производства и потребления энергоносителей – перехода от «грязного» угля к «чистому» природному газу – создает в Китае спрос на природный газ Российской Арктики.

На сегодняшний момент структура потребления энергоресурсов в Китае серьезно отличается от среднемировой нормы. В Европе и Северной Америке основу потребления составляют нефть и газ (по 30–36%), доля угля не превышает 20%, и около 9% приходится на атомную энергетику, что формирует сбалансированную структуру потребления. В Китае основу составляет уголь (до 66%), на нефть приходится 17,5%, на газ – 5,6%, а доля атомной энергетики не превышает 1% [Ли Чжэньюй, Хуан Гэшэн, 2016]. Модель потребления с опорой на уголь негативно повлияла на состояние окружающей среды, поскольку на угольное топливо приходится до 80% выбросов парниковых газов и дыма. Природный газ – качественный «чистый» источник энергии, выбросы при его применении примерно в два раза меньше, чем при использовании угля. Таким образом, трансформация структуры потребления энергоресурсов позволит уравновесить задачи экономического развития и защиты окружающей среды. Согласно опубликованному в КНР 6 ноября 2011 г. «Плану действий стратегии развития энергетики на 2014–2020 гг.» природный газ – пример важного элемента стратегии замещения угля, и его доля в потреблении должна вырасти с 4% в 2013 г. до 10% к 2020 г. (среднемировой уровень – 25%). Сотрудничество с Россией в сфере энергетики названо в Плане важным элементом реализации стратегии развития[25].

В-третьих, российско-китайское партнерство в сфере разработки углеводородных ресурсов Российской Арктики даст дополнительный толчок сотрудничеству в других сферах, таких как: освоение СМП, инфраструктурное строительство, полярные научные исследования и экспедиции, управление рисками загрязнения окружающей

---

[24] Ху Цзиньтао выступил с докладом на 18-том национальном конгрессе Коммунистической партии Китая // Жэньминь жибао. 18.11.2012. Доступ: http://cpc.people.com.cn/n/2012/1118/c64094-19612151-1.html (дата обращения: 11.06.2017). (На кит. яз.)

[25] План действий по стратегии энергетического развития (2014-2020 гг.) // Управление Государственного Совета. 07.06.2014. Доступ: http://www.gov.cn/zhengce/content/2014-11/19/content_9222.htm (дата обращения: 02.11.2016). (На кит. яз.)

среды и т.п. Всестороннее взаимодействие двух государств будет способствовать повышению статуса и влияния Китая в регионе. В отличие от Корейской Республики или Японии, КНР еще не опубликовала собственную официальную стратегию в Арктике, однако китайские ученые и политики уже создали фундамент для разработки арктической политики КНР. В октябре 2015 г. в Исландии прошла третья конференция «Форума полярного круга», на которой министр иностранных дел КНР Вань И выступил по видеосвязи и обозначил китайские политические принципы в Арктике – уважение, сотрудничество и взаимовыгода[26]. Заместитель министра иностранных дел КНР Чжан Мин в докладе «Китайские действия и политика в Арктике» коснулся проблем научных исследований, охраны окружающей среды, использования Арктического морского пути, освоения природных ресурсов (особенно углеводородных), охраны коренных народов и т.п.[27]

Несмотря на то что у Китая нет собственной территории и геополитических претензий в Арктике, для него арктическая повестка тесно связана со стратегией устойчивого социально-экономического развития. Национальные интересы КНР как неарктического государства в основном являются интересами общечеловеческими. В обсуждении вопросов, затрагиваемых арктическим диалогом (защита окружающей среды, изменение климата, режим управления Арктикой и т.п.), участие «заинтересованных сторон» необходимо. Участие Пекина реализуется в двух форматах: через существующие международные организации и применение международного права, а также через развитие дипломатических отношений с арктическими государствами. Развитие российско-китайского арктического сотрудничества укладывается в предложенную КНР стратегию «выхода за рубеж» в контексте экономической глобализации, способствует повышению статуса и влияния государства в регионе, содействует эффективному управлению Арктикой.

В целом можно выделить следующие предпосылки для развития российско-китайского арктического сотрудничества в энергетической сфере:

---

[26] Министр иностранных дел Вань И выступил по видео на третьей конференции «Форума полярного круга» // Министерство иностранных дел КНР. 17.10.2015. Доступ: http://www.fmprc.gov.cn/web/ziliao_674904/zyjh_674906/t1306854.shtml (дата обращения: 20.03.2017). (На кит. яз.)

[27] Замминистра иностранных дел КНР Чжан Мин выступил с докладом «Китайская деятельность и политика в Арктике» на третьей конференции «Форума полярного круга» // Министерство иностранных дел КНР. 17.10.2015. Доступ: http://www.fmprc.gov.cn/web/ziliao_674904/zyjh_674906/t1306852.shtml (дата обращения: 20.03.2017). (На кит. яз.)

– симметричность интересов РФ и КНР в отношении экспорта и импорта в контексте глубоких изменений глобальной структуры торговли энергоресурсами;

– заинтересованность РФ в ослаблении эффективности санкций и политического давления западных государств;

– взаимодополняемость, с одной стороны, потребностей РФ в привлечении финансирования для развития Российской Арктики, с другой – стремления КНР повысить собственный статус в Арктическом регионе.

* * *

На сегодняшний день российско-китайское арктическое взаимодействие в нефтегазовой сфере находится на этапе становления – деловое сотрудничество только началось, но пока нет опыта совместной разработки ресурсов, ограничено количество участников. В этой связи активную деятельность разворачивает китайская CNOOC, которая специализируется на шельфовой добыче. 9 ноября 2014 г. «Газпром» и CNOOC подписали меморандум о взаимопонимании, предусматривающий совместную работу в области геологоразведки, добычи углеводородов, разработки оборудования и технологий. 17 декабря 2015 г. компании продлили действие подписанного документа до 31 декабря 2016 г.[28] Дочернее предприятие «Газпрома» – «Газпромнефть» – в 2016 г. предложило CNOOC партнерство по Северо-Врангелевскому и Хейсовскому участкам на арктическом шельфе с ресурсами более 2 млрд т нефти. Однако из-за того, что шельфовые проекты находятся на стадии геологоразведки, а мировая цена на нефть с лета 2014 г. падает, сотрудничество было приостановлено[29].

Больших результатов в налаживании нефтегазового взаимодействия с российскими компаниями в Арктике достигла китайская CNPC. Весной 2013 г. в ходе визита в Москву председателя КНР Си Цзиньпина «Роснефть» и CNPC договорились о совместном изучении Западно-Приновоземельского участка в Баренцевом море, а также Южно-Русского и Медынско-Варандейского участков в Печорском море[30]. В сентябре 2013 г. в присутствии В.В. Путина и Си Цзиньпина было подписано соглашение о покупке CNPC

[28] Газпром предложил китайской CNOOC разрабатывать нефтяные месторождения на шельфе РФ // Neftegaz.ru форум. 06.09.2016. Доступ: http://neftegaz.ru/forum/showthread.php?tid=45079 (дата обращения: 08.03.2017).

[29] Козлов Д. Газпром нефть снова зовет китайцев на шельф // Коммерсантъ. 07.09.2016. Доступ: http://www.kommersant.ru/doc/3082656 (дата обращения: 08.03.2017).

[30] «Роснефть» и китайская CNPC подписали документы о совместной работе на 3 участках российского шельфа // ТАСС. 13.03.2013. Доступ: http://tass.ru/arhiv/587397 (дата обращения: 03.06.2017).

20% акций «Ямал СПГ». В марте 2014 г. Соглашение между правительством РФ и правительством КНР о сотрудничестве в сфере реализации проекта «Ямал СПГ» вступило в силу. В декабре 2015 г. между российским «Новатэком» и китайским ФШП был заключен договор о предоставлении 15-летнего займа на сумму 730 млн евро для финансирования проекта «Ямал СПГ»[31]. В результате сделки по покупке у «Новатэка» 9,9% в «Ямал СПГ» объем инвестиций ФШП в России превысит 2 млрд долл.[32]

Стоит отметить, что проект «Ямал СПГ» считается важнейшим этапом в процессе совместного построения арктического энергетического коридора и российско-китайского сотрудничества в целом. Проект перевел партнерство Москвы и Пекина в нефтегазовой сфере «с бумаги на практику», способствовал диверсификации модели энергетического взаимодействия двух стран – от простой торговли нефтью и газом к совместному освоению энергоресурсов. Программа реализуется на ресурсной базе Южно-Тамбейского месторождения, доказанные и вероятные запасы которого по стандартам PRMS[33] на 31 декабря 2014 г. составляют 926 млрд м^3 газа и 30 млн т жидких углеводородов. Оператором проекта является ОАО «Ямал СПГ» – совместное предприятие ОАО «Новатэк» (50,1%), Total (20%), CNPC (20%), ФШП (9,9%). Ожидаемый уровень добычи составляет около 27 млрд м^3 газа в год на протяжении как минимум 20 лет.

Проект «Ямал СПГ» имеет сложную структуру. В строительстве завода по производству СПГ мощностью 16,5 млн т в год используют модульный принцип монтажа, что значительно сокращает затраты на строительство в арктических условиях и оптимизирует график реализации программы. Для транспортировки СПГ через Арктику спроектированы и построены специальные танкеры усиленного ледового класса Arc7, позволяющие осуществлять круглогодичную навигацию без ледокольной проводки в западном направлении и в течение арктического лета – в восточном направлении по СМП. Порт для проекта «Ямал СПГ» обладает оградительными ледозащитными сооружениями, операционной

---

[31] «Новатэк» и Фонд Шелкового пути подписали окончательные обязывающие соглашения // Новатэк. 17.12.2015. Доступ: http://www.novatek.ru/ru/investors/events/archive/index.php?id_4=1056 (дата обращения: 23.01.2017).

[32] Расширение участия Китая в «Ямал СПГ» даст России 2 млрд долл. Инвестиций // Россия Сегодня. 22.01.2016. Доступ: https://ria.ru/east/20160122/1363092276.html (дата обращения: 23.01.2017).

[33] Примечание: Стандарт PRMS – международный стандарт оценки и управления запасами углеводородов в недрах, в соответствии с которым запасы классифицируются как «доказанные», «вероятные» и «возможные», исходя как из геологических, так и из коммерческих факторов.

акваторией, подходными каналами, системой управления движением судов и навигационного обеспечения, зданиями морских служб. На территории лицензионного участка был построен международный аэропорт. В поселке Сабетта была создана необходимая инфраструктура для проживания строителей[34].

В будущем, по мере сокращения потенциальных запасов традиционных легкоизвлекаемых углеводородов [Бородин, Скрипниченко, 2014] и совершенствования технологии транспортировки СПГ по морю, арктический шельф будет играть все большую роль в российско-китайской торговле углеводородами. Соглашение между правительствами РФ и КНР о сотрудничестве в сфере реализации проекта «Ямал СПГ», вступившее в силу в марте 2014 г. и действующее до 31 декабря 2045 г., предусматривает создание благоприятных условий для инвестиционного партнерства в рамках реализации данного проекта. Российская сторона закрепляет для «Ямал СПГ» параметры стимулирующего налогового режима, который включает нулевые ставки налога на добычу полезных ископаемых в отношении природного газа и газового конденсата, нулевые ставки вывозной таможенной пошлины на СПГ и стабильный газовый конденсат, а также освобождение от уплаты налога на добавленную стоимость на импортное оборудование, аналоги которого не производятся в РФ. Китайская сторона в свою очередь обязуется обеспечить приобретение СПГ в течение 15 лет в объеме не менее 3 млн т в год после того, как первую очередь производства запустят в 2017 г., а также способствовать субсидированию проекта со стороны финансовых институтов КНР[35].

При поддержке правительств РФ и КНР, а также банковских институтов двух стран инвестирование проекта «Ямал СПГ» продвигается согласно плану. В мае 2014 г. «Банковская корпорация развития Китая», «Внешэкономбанк», «Газпромбанк» и ОАО «Ямал СПГ» подписали меморандум, в соответствии с которым стороны обязались приложить все усилия для открытия проектного финансирования в 4-м квартале 2014 г. на максимально выгодных для проекта условиях[36]. В апреле 2016 г. ОАО «Ямал СПГ» были подписаны кредитные договоры с Экспортно-импортным банком

---

[34] Проект «Ямал СПГ» // Новатэк. Доступ: http://www.novatek.ru/ru/business/yamal-lng/ (дата обращения: 23.03.2017).

[35] О подписании Соглашения между Правительством РФ и Правительством КНР о сотрудничестве в сфере реализации проекта «Ямал СПГ» // Правительство РФ. 26.12.2103. Доступ: http://government.ru/media/files/ 41d4b09d8df008d1c518.pdf (дата обращения: 08.02.2016).

[36] Подписан меморандум о проектном финансировании «Ямал СПГ» // Газпромбанк.20.05.2014. Доступ: http://pda.gazprombank.ru/press/news/343380/ (дата обращения: 08.02.2016).

Китая и Банком развития Китая о предоставлении кредитных линий в размере 9,3 млрд евро и 9,8 млрд юаней на 15 лет. Генеральный директор «Ямал СПГ» Евгений Кот отметил, что соглашения с китайскими банками позволяют реализовать данный проект без привлечения дополнительных средств со стороны акционеров[37]. В июне 2016 г. ОАО «Ямал СПГ» получил первый транш в размере 450 млн евро в рамках кредитных договоров, подписанных с Банком развития Китая и Экспортно-импортным банком Китая[38]. Предоставленные китайскими банками займы в совокупности со средствами Фонда национального благосостояния (ФНБ) РФ и кредитными линиями российских банков обеспечивают необходимый проекту объем внешнего финансирования.

На фоне реализации инициативы «Один пояс – один путь» выбор «Ямал СПГ» в качестве объекта инвестиций и точки развития энергетического сотрудничества с РФ имеет для КНР большое стратегическое значение.

Во-первых, проект «Ямал СПГ» в какой-то степени способствует трансформации российско-китайского энергетического взаимодействия – от прямой энергетической торговли к совместному освоению энергоресурсов. Китайская сторона получает возможность участвовать в поставках строительных материалов и оборудования, финансировании, производстве СПГ и в других звеньях проекта, т.е. встраиваться в российские производственные цепочки на этапах добычи и сбыта углеводородов. Подобная встроенность будет содействовать углублению взаимопонимания и доверия между странами-партнерами.

Кроме того, в условиях, когда сотрудничество между государственными компаниями продвигалось медленно, появилась и была реализована инновационная идея по привлечению к участию в проекте частных компаний. Китай и в дальнейшем продолжит стимулировать установление равноправного взаимодействия между российскими и китайскими государственными и коммерческими субъектами в рамках существующего механизма Российско-китайского комитета по энергетическому сотрудничеству.

Во-вторых, проект «Ямал СПГ» предоставил китайским энергетическим технологиям и промышленности международную площадку для выхода на новый уровень. Китайские участники проекта

---

[37] «Ямал СПГ» подписал кредитный договор с китайскими банками // Россия Сегодня. 29.04.2016. Доступ: https://ria.ru/economy/20160429/1423065041.html (дата обращения: 08.05.2016).

[38] «Ямал СПГ» начал выборку финансирования от китайских банков // Ямал СПГ. 29.04.2016. Доступ: http://yamallng.ru/press/news/10276/ (дата обращения: 08.05.2016).

приобретают шанс заимствовать у российской компании «Новатэк», французского концерна Total и южнокорейской компании Daewoo Shipbuilding & Marine Engineering (DSME) передовые технологии по бурению, добыче, переработке, хранению, транспортировке углеводородов. 20 марта 2016 г. CNPC и Total подписали рамочное соглашение о стратегическом сотрудничестве в сферах нефтегазовых инвестиций и технологических разработок, а также об укреплении взаимодействия в области «мягкой силы»: реализации совместных культурных проектов, развитии социальной ответственности бизнеса[39]. Стоит отметить, что китайская сторона и сама обладает серьезным технологическим заделом. Так, дочернее предприятие CNOOC – China Offshore Oil Engineering Corporation (COOEC) – выступает в качестве подрядчика в промышленном модуле проекта «Ямал СПГ». Тот факт, что КНР впервые экспортирует ключевые технологии в переработке СПГ за рубеж, свидетельствует о достижении китайскими профильными компаниями значительных успехов.

В свою очередь привлечение Китая как партнера и инвестора к освоению арктических месторождений углеводородов позволяет России достичь ряда своих стратегических целей.

Так, перенос центра мирового потребления углеводородов в Восточную Азию позволит наладить поставки газа с завода «Ямал СПГ» в КНР, Японию и Корею. Проект «Ямал СПГ» даст шанс российской «чистой» энергии выйти на рынки АТР, увеличить свои конкурентные преимущества по сравнению с США (сланцевый газ), Катаром и Австралией (СПГ), поможет диверсифицировать экспорт углеводородов, укрепить возможности российской энергетической дипломатии на мировой арене и в определенной степени освободиться от пут западной геополитики и геоэкономики.

Кроме того, проект повышает поступления от доходов нефтегазовой отрасли в бюджеты разных уровней государства. На данный момент заключены долгосрочные контракты на реализацию 96% СПГ: китайская CNPC выкупает 3 млн т СПГ в год, французская Total – 4, испанская Gas Natural Fenosa – 2,5, Gazprom Marketing & Trading Singapore – 2,9, французская Engie (бывшая GDF Suez) – 1 млн т[40] и т.д. Суммы подписанных контрактов не раскрываются, но заключение договоров по реализации продукции в рамках проекта «Ямал СПГ» обеспечивает сбалансированность портфеля по-

---

[39] 2016 годовой отчет CNPC // CNPC. Доступ: http://www.cnpc.com.cn/cnpc/ndbg/201705/3c8d51f458aa494198582c57797207d3/files/19e2adc54e974619b4dd448aa8c79c17.pdf (дата обращения: 12.06.2017) (На кит. яз.)

[40] Фадеева А. «Новатэк» продал французской Engie 23 млн т СПГ // Ведомости. 03.06.2015. Доступ: http://www.vedomosti.ru/business/articles/2015/06/03/594902-novatek-prodal-frantsuzskoi-engie-23-mln-t-spg (дата обращения: 08.01.2017).

ставок и способствует привлечению внешних источников финансирования.

Проект «Ямал СПГ» создает эффекты «перелива» для социально-экономического развития Арктики. Привлекая передовые западные технологии и китайские инвестиции, программа способствует улучшению производственной и жилой инфраструктуры, повышению уровня занятости, развитию промышленной и сервисной отраслей в регионе, где текущая социально-экономическая ситуация не совсем благополучна, но обладает большим потенциалом. Так, в конце 2016 г. председатель правления «Новатэк» Леонид Михельсон в ходе встречи с В.В. Путиным отметил, что было создано соответствующее количество рабочих мест и теперь в Сабетте работают уже 22 тыс. человек. Общий объем заказов по России оценивается примерно в 580 млрд рублей[41].

Еще одно приоритетное направление российской государственной политики в регионе и неотъемлемый элемент развития арктического нефтегазового комплекса – восстановление СМП. Транспортировка СПГ с полуострова Ямал загрузит СМП, повысит его экономическую привлекательность и конкурентоспособность. Большинство российских и китайских экспертов сходятся во мнении, что «реализация комплексного проекта СМП на базе современных технологий имеет огромные перспективы с точки зрения становления ресурсной базы всей современной экономики ЕАЭС, являясь также естественным продолжением программы развития российского Дальнего Востока. При этом проект развития СМП не находится в конкурентной позиции по отношению к МШП-XXI в. – оба транспортных потока эффективно дополняют друг друга и могут стать основой для углубления интеграционных экономических процессов на евразийском пространстве» [Окунев, 2016].

В дальнейшем возможно также создание АЗСТ как результата сопряжения ЕАЭС и ЭПШП, над этим сейчас совместно работают РФ и КНР. На сегодняшний день уже достигнуто определенное взаимопонимание, проработаны конкретные меры и долгосрочные планы по координации ЭПШП и ЕАЭС, при этом часть интересов сторон совпадают, но есть и противоречия [Ван Цинсун, 2016]. Очевидно, что стратегическое согласование проектов ЕАЭС и ЭПШП, выдвинутых двумя региональными державами в целях достижения евразийской интеграции, – достаточно сложный процесс. Строительство сети хорошо организованных ЗСТ нуждается в детальном обсуждении и планировании.

---

[41] Латухина К. Владимир Путин оценил перспективы проекта «Ямал СПГ» // Российская газета. 14.11.2016. Доступ: https://rg.ru/2016/11/14/putin-ocenil-perspektivy-proekta-iamal-spg.html (дата обращения: 01.03.2017).

В целом можно заключить, что проект «Ямал СПГ» представляет собой большой шаг для российско-китайского энергетического сотрудничества в Арктике, но в то же время реализация подобных программ связана с рядом рисков и препятствий, которые, безусловно, влияют на перспективы дальнейшего партнерства. Стоит отметить, что многие из обозначенных сложностей актуальны для всех промышленных объектов в Российской Арктике, но автор приводит «Ямал СПГ» как наиболее яркий пример управления рисками.

Поиск финансирования. Строительство любых капитальных объектов в условиях вечной мерзлоты требует колоссальных финансовых вложений. Это связано с необходимостью применения особых материалов и технологий, транспортной удаленностью и отсутствием инфраструктуры. В связи с этим окупаемость многих проектов по добыче ресурсов оказывается существенно более долгой по сравнению с проектами, рассчитанными на умеренный климат. Так, согласно паспорту проекта «Ямал СПГ» даже в условиях существенной поддержки государства его окупаемость для частных инвесторов составляет 12,4 года[42], т.е. его реализация зависит от возможности предоставления «длинных денег», от текущего положения в макроэкономике и геополитке.

В настоящий момент ситуация с финансированием самого проекта «Ямал СПГ» (объем требуемых инвестиций составляет 27 млрд долл.) стабильна: 10,5 млрд долл. выделят акционеры – через взносы в уставной капитал и акционерные займы, 2,5 млрд долл. выделит ФНБ, оставшаяся сумма – доля финансовых институтов, в том числе китайских[43]. Как уже было отмечено, Экспортно-импортный банк Китая и Банк развития Китая предоставляют кредитные линии в размере 9,3 млрд евро и 9,8 млрд юаней сроком на 15 лет; российские «Сбербанк» и «Газпромбанк» – 3,6 млрд евро сроком на 15 лет, итальянский банк Intesa Sanpaolo – 750 млн евро на 14,5 лет, японский банк JBIC – 200 млн евро.

В то же время поиск средств на дальнейшее развитие региона – строительство арктического энергетического коридора, соответствующей логистической сети, обслуживающей инфраструктуры

---

[42] Распоряжение Правительства РФ от 27 декабря 2014 г. № 2737-р // Правительство России. Доступ: http://government.ru/media/files/0sjAbMt0VNk.pdf (дата обращения: 09.07.2017).

[43] Назаров А., Дышлюк Е., Асатуров К. Проектное финансирование для «Ямал СПГ» – на финишной прямой. Что дальше? // Газпромбанк. 23.09.2015. Доступ: http://www.gazprombank.ru/upload/ iblock/ 3de/GPB_NVTK_Update_RUS.pdf (дата обращения: 01.03.2017).

СМП и т.п. – неминуемо столкнется с существенными трудностями в связи как с нестабильной макроэкономической ситуацией, так и с санкционными ограничениями.

В тесной связке с трудностями финансирования арктических проектов находятся факторы **макроэкономической и геополитической нестабильности**. Помимо высокой капиталоемкости и длительного срока окупаемости программ в Арктике необходимо отметить их большую чувствительность к мировым ценам на энергоресурсы – высокая себестоимость нефтегазовой добычи и доставки нередко делает подобные проекты экономически нецелесообразными. Мировые цены на энергоресурсы зависят не только от баланса спроса и предложения, но и от текущей обстановки в экономике и политике. В случае проекта «Ямал СПГ» основная часть СПГ продается по долгосрочным контрактам с привязкой к стоимости нефти и нефтяных смесей (JCC – японская нефтяная смесь) или к оптовым ценам на газ (американский Henry Hub). При этом оптовая цена на СПГ в Азии выше, чем в других регионах. Такое явление называется «Азиатским энергетическим премиумом». Согласно базовому сценарию «Газпромбанка» цена реализации СПГ с проекта «Ямал СПГ» составит 8–9 долл. за млн БТЕ (британская тепловая единица) в период 2017–2020 гг.[44], что эквивалентно текущему уровню цены, привязанной к смеси JCC, и 10–12 долл. за млн БТЕ в период 2021–2024 гг.[45]

Мировые цены на нефть уже длительное время держатся на достаточно низком уровне, составляя 45–55 долл. за баррель (марка BRENT), что постепенно тянет вниз цены на трубопроводный и сжиженный газ. Кроме того, по мере постоянно растущей консолидации мирового рынка природного газа и ввода в эксплуатацию заводов СПГ в Австралии, США, Канаде, Мозамбике и других странах на рынке СПГ может возникнуть перенасыщение, возрастет ценовая конкуренция среди производителей. В будущем также сложится тенденция к сокращению разницы между закупочными ценами в Азии по сравнению с другими регионами.

Стоит учитывать и еще одно обстоятельство. Основные договоренности по проекту «Ямал СПГ» были достигнуты до введения

---

[44] Назаров А., Дышлюк Е., Асатуров К. Проектное финансирование для Ямал СПГ – на финишной прямой. Что дальше? // Газпромбанк. Доступ: http://www.gazprombank.ru/upload/iblock/3de/GPB_NVTK_Update_RUS.pdf С. 7. (дата обращения: 02.03.2017).

[45] Подписан меморандум о проектном финансировании «Ямал СПГ» // Газпромбанк. 20.05.2014. Доступ: http://pda.gazprombank.ru/press/news/343380/ (дата обращения: 08.02.2017).

секторальных запретов и, следовательно, не подпадали под санкционный режим в общем порядке, однако новые проекты столкнутся как с финансовыми, так и с технологическими затруднениями. Хотя часть технологий могут быть воспроизведены в порядке импортозамещения, а часть – приобретены у КНР и других государств, не присоединившихся к санкциям, ряд критических технологий по бурению на шельфе, производству СПГ и т.п. практически не могут быть освоены без участия западных компаний. Так, сразу же после введения ограничений «Новатэк» был вынужден отложить реализацию следующего арктического проекта «Арктик СПГ-2»[46]. В то же время нельзя не отметить и определенное положительное влияние санкций на технологическое развитие российского топливно-энергетического комплекса. По словам Д.Н. Кобылкина, губернатора Ямало-Ненецкого автономного округа, «при строительстве “Ямал СПГ” значительная часть используемых мощностей – импортного производства, а при строительстве второго ямальского завода “Арктик СПГ-2” “Новатэк” намерен применить 70–80% оборудования и материалов, произведенных в России»[47].

Представляется, что в кратко- и, возможно, среднесрочной перспективе низкий уровень мировых цен на энергоресурсы и высокая себестоимость в связи с техническими ограничениями будут основными сдерживающими факторами развития арктических проектов. При этом первый фактор характеризуется большей неопределенностью за счет нестабильности мировой энергетической конъюнктуры, поэтому в долгосрочной перспективе только качественная техническая модернизация позволит начать более активное освоение месторождений углеводородов в Арктике, особенно по мере истощения запасов в легкодоступных регионах и роста мировых цен на энергоресурсы. Стоит особо отметить, что лишь высокие технические требования могут минимизировать риск загрязнения окружающей среды разливами нефти и газа, гарантируя экологическую безопасность и права коренных народов в регионе.

Высокая конкуренция. Так называемая сланцевая революция не только позволила США значительно снизить импорт газа и в перспективе стать его нетто-экспортером, но и вызвала широкий интерес к возможностям добычи этого сырья в других странах, в том числе потребителях российского газа, в частности в Польше и

---

[46] Михельсон выбил у Медведева льготы для «Новатэка» на Ямале. Второй мегапроект решено отложить // Российское информационное агентство. 26.09.2014. Доступ: https://ura.news/news/1052191025 (дата обращения: 01.04.2017).

[47] Впереди шельфы, на которые мы не выходили // Эксперт Онлайн. 10.10.2016. Доступ: http://expert.ru/ural/2016/42/vperedi-shelfyi-na-kotoryie-myi-ne-vyihodili/ (дата обращения: 02.03.2017).

Украине. Сланцевый газ продолжает менять расстановку сил в мировой энергетике, и тенденция к конкуренции между этим сырьем и арктическим СПГ будет нарастать по мере развития технологического прогресса. Кроме того, существует соперничество между основными экспортерами СПГ, к которым относятся страны Северной Африки (Алжир, Ливия, Нигерия), Ближнего Востока (Катар, ОАЭ, Оман, Йемен), Юго-Восточной Азии (Малайзия, Индонезия, Бруней), а также Австралия, США (Аляска), Тринидад и Тобаго [Брагинский, 2006]. На данный момент крупнейшим поставщиком СПГ на мировой рынок является Катар. Прирост производства СПГ будет происходить за счет США и Австралии, на которые прогнозируется 40% всего прироста СПГ в ближайшие пять лет в силу запуска новых проектов, хотя в перспективе Катар сохранит свои позиции[48].

Немаловажными факторами, ослабляющими конкурентоспособность арктических проектов, являются затрудненная транспортная доступность региона и логистические издержки. В случае с «Ямал СПГ» обращает на себя внимание большая удаленность месторождения от потребителей в сравнении с такими поставщиками, как Катар или Австралия. Даже без учета климатических факторов и необходимости задействования ледокольного флота логистическое плечо остается чрезвычайно большим. Преодолеть эти ограничения помогут диверсификация направлений поставок и своп-соглашения с другими производителями СПГ. Согласно сообщениям СМИ работа в этом направлении уже ведется – «Новатэк» рассматривает возможность заниматься маркетингом СПГ совместно с катарской компанией[49].

Таким образом, для любого арктического проекта, включая «Ямал СПГ», необходим четкий маркетинговый план, поиск своей ниши на рынке того или иного ресурса. В связи с высокой капиталоемкостью и длительным сроком окупаемости подобные программы особенно требовательны к качеству прогнозов коммерческих планов, а также балансу в вопросах конкуренции и сотрудничества. В этих условиях особенно необходимо взаимодействие коммерческих компаний и государственных органов различных уровней с учетом экономических и геополитических интересов сторон.

---

[48] Начало острой конкуренции между производителями СПГ // Независимая газета. 13.04.2016. Доступ: http://www.ng.ru/energy/2016-04-13/11_spg.html (дата обращения: 05.03.2017).

[49] «Новатэк» хочет продавать СПГ вместе с Катаром // На линии. 04.06.2016. Доступ: https://www.nalin.ru/novatek-xochet-prodavat-spg-vmeste-s-katarom-1860 (дата обращения: 05.04.2017).

* * *

Запуск и ввод в эксплуатацию проекта «Ямал СПГ» демонстрируют, что Россия всесторонне развивает свои арктические территории и задает тон международной арктической «моде», а также выдвигают регион на передовые позиции на мировом рынке энергоресурсов и морских перевозок. На наш взгляд, исходя из анализа стратегических интересов, современного положения и существующих рисков, для углубления и продвижения российско-китайского арктического сотрудничества в энергетической сфере необходимо действовать в трех направлениях: совместно предупреждать риски проекта «Ямал СПГ», диверсифицировать модели сотрудничества и расширять их содержание, а также стимулировать создание добавленной стоимости.

Совместные российско-китайские НИОКР по передовым методам разведки и добычи углеводородов в Российской Арктике должны стать первоочередной задачей партнерства двух стран. Важнейшим условием привлечения Китая к освоению арктических недр является его участие в финансировании технологических разработок. Хорошим примером подобного формата сотрудничества может служить совместный центр по изучению Арктики, созданный в сентябре 2016 г. по инициативе Дальневосточного федерального университета и Харбинского политехнического университета. Центр занимается разработкой конструкций платформ для добычи углеводородов в шельфовой зоне, изучением воздействия холода на различные материалы и влияния ледовых нагрузок на инженерные сооружения, в том числе на морские суда[50].

Безусловно, между российскими и китайскими нефтегазовыми компаниями должен сформироваться некий особый формат взаимодействия по технологическим и практическим вопросам. Так, в 2015 и 2016 гг. компания «Роснефть» – лидер нефтегазовой отрасли России – провела конференции «Технологии в области разведки и добычи ПАО НК “Роснефть”» в целях обмена опытом применения технологий и решения актуальных технологических задач, тиражирования успешных технических решений, поиска новых возможностей для оптимизации затрат и повышения эффективности[51].

При этом, хотя китайские нефтегазовые компании накопили опыт работы как внутри страны, так и за границей (в регионах Средней

[50] Шатилова М. ДВФУ и Харбинский университет создали совместный центр по изучению Арктики // ТАСС. 29.09.2016. Доступ: http://tass.ru/nauka/3662445 (дата обращения: 03.03.2017).

[51] Конференция «Технологии в области разведки и добычи нефти» 2016 // Роснефть. Доступ: http://techneft.ru/ (дата обращения: 14.02.2017).

Азии, Латинской Америки, Африки, Среднего Востока и АТР и даже Северной Европы и Северной Америки), они еще не обладают всеми технологиями офшорной добычи в полярных водах и в полярных районах в целом[52]. Таким образом, в ближайшей перспективе сохранится зависимость Китая от совместного с западными компаниями освоения углеводородных ресурсов в экстремальных климатических и специфических геологических условиях. С одной стороны, Китай сейчас усиливает сотрудничество в сфере передовых технологий по нефтегазовой добыче в Арктике с такими государствами, как Норвегия и Исландия[53]; с другой – использует режим западных антироссийских санкций для продвижения взаимодействия с Россией на этом направлении. С этой точки зрения международное партнерство КНР в Арктическом регионе является многонаправленным.

Для предупреждения имеющихся финансовых, конкурентных и ценовых рисков, а также для диверсификации моделей взаимодействия и РФ, и КНР следует ответственно относиться к своим обязанностям.

Во-первых, китайской стороне необходимо участвовать в освоении Российской Арктики через разнообразные форматы инвестиций – создание совместных предприятий и специального фонда для развития Арктики, кредитование и финансирование, совместное участие в тендерах и т.п., – а также через поставки инновационного, высокотехнологичного и высококачественного оборудования и технологий. В свою очередь российская сторона должна предоставить китайским нефтегазовым компаниям и подрядчикам налоговые льготы и преференции, поддерживать открытость и прозрачность правовой системы, эффективное управление и стабильность.

Во-вторых, длительное время эффективность российско-китайской торговли нефтью и газом ограничивал вопрос цены на энергоресурсы. Продвигая инициативу «Один пояс – один путь», КНР постепенно выстраивает диверсифицированную систему импорта углеводородов и разветвленную торговую сеть – сложившийся в этих условиях североазиатский торговый хаб будет быстро развиваться, создавая условия для ликвидации «азиатской надбавки»

---

[52] Технологические достижения CNPC // CNPC. Доступ: http://www.cnpc.com.cn/cnpc/sdkjjz/sdkjjz_list.shtml (дата обращения: 13.02.2017) (На кит. яз.); Годовой отчёт CNOOC, 2016 // CNOOC. Доступ: http://www.cnooc.com.cn/attach/0/1705091352562244894.pdf (дата обращения: 13.02.2017) (На кит. яз.).

[53] Третий китайско-норвежский семинар по морской нефтегазовой добыче // CNOOC. 12.06.2017. Доступ: http://www.cnooc.com.cn/art/2017/6/12/art_391_2624871.html (дата обращения: 13.06.2017) (На кит. яз.).

к цене на энергоресурсы. В связи с этим РФ и КНР должны усилить координацию по вопросам энергетического ценообразования на базе совместного разрешения технических проблем и снижения издержек, используя шанс сопряжения ЕЭАС и ЭПШП на нынешнем этапе.

Наконец, в силу того что государства действуют как локомотив в процессе развития российско-китайского энергетического сотрудничества, обе стороны должны полноценно задействовать механизмы встреч глав государств и правительств, а также ресурс Российско-китайского комитета по энергетическому сотрудничеству, взвешенно выстраивать равные партнерские отношения между государственными и негосударственными нефтегазовыми компаниями двух стран.

На основе эффективного управления существующими рисками арктических проектов в условиях дальнейшего развития российско-китайского сотрудничества в энергетической сфере будет возможно стимулировать «эффект перелива» – продвижение сопряжения СМП и Морского Шелкового пути XXI века. Вопрос открытия логистического коридора СМП – Северо-Восточная Азия для обеспечения транспортировки нефти и газа из РФ в Северо-Восточную Азию, в частности в КНР, уже вошел в повестку работы правительств двух государств. В данном проекте предусмотрено три участка: западный (Баренцево море – Карское море), центральный (Карское море – Чукотское море) и восточный (Чукотское море – акватория Жёлтого моря КНР). Важный аспект освоения данного коридора – модернизация портовой инфраструктуры. Учитывая ее текущее состояние и перспективы, китайские эксперты считают, что порты Варандей, Сабетта и Козьмино могут использоваться для экспорта энергоресурсов из России, порты Зарубино, Находка и Восточный – для транзитной перевозки общего назначения [Сяо Ян, 2015].

В ситуации, когда Уругвайский раунд многосторонних переговоров в рамках Генерального соглашения по тарифам и торговле давно завершен, а продвижение Дохийского раунда ВТО несколько приостановилось и многосторонние форматы переговоров по вопросам торговли в принципе развиваются достаточно медленно, региональные торговые соглашения становятся «новой нормальностью» международных отношений. РФ продвигает различные форматы экономического сотрудничества на территории СНГ; КНР в свою очередь инициирует соглашения по созданию ЗСТ со странами АТР, а также реализует стратегию выстраивания ЗСТ в регионах, прилегающих к ЭПШП. Организацию российско-китайской АЗСТ можно было бы начать с приграничных регионов –

российского Дальнего Востока и Северо-Восточного Китая. В будущем, по мере развития энергетического сотрудничества в Российской Арктике и трансграничных потоков по СМП, созреют условия для создания сети ЗСТ по линии Российская Арктика – Дальний Восток – Северо-Восточный Китай. Российский «стратегический поворот на Восток» – естественный выбор в контексте интеграционных процессов в АТР, и открытие АЗСТ могло бы наделить этот выбор более перспективным содержанием.

Снижение мировых цен на нефть вынуждает РФ активнее развивать энергетическое и финансовое партнерство с основными игроками АТР. Сотрудничество с КНР в Арктике будет способствовать расширению связей с другими государствами региона, особенно со странами Северо-Восточной Азии, которые могут предоставить РФ необходимые капиталы и технологии и стать перспективными рынками сбыта энергоресурсов. Совместная работа Москвы и Пекина над организацией механизма ценообразования на азиатском рынке энергоресурсов сможет в определенной степени подорвать контроль США и Северной Европы над ценообразованием на мировом энергетическом пространстве. На этом пути необходимо развивать межрегиональные связи, строить трансграничную сеть морских транспортных путей – все это в свою очередь сделает более реальной перспективу создания АЗСТ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Базалева Р., Казначеев П. Освоение Арктического шельфа: регулирование и налогообложение нефтяных компаний в США, России и Норвегии // Экономическая политика. 2015. Т. 10. № 2. С. 110–132.

2. Бородин К.А., Скрипниченко В.А. Формирование рационального природопользования при освоении морских нефтяных месторождений в Арктике // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 5. С. 116–124.

3. Брагинский О.Б. Нефтегазовый комплекс мира. М.: Издательство «Нефть и газ» РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина, 2006.

4. Ван Синьхэ. Гоцзя лиъи шицзяо ся дэ чжунго бэйцзи шэньфэнь [Арктические идентичности Китая с точки зрения национальных интересов] // Тай пин ян сюе бао. 2013. Т. 21. № 5. С. 81–89. (На кит. яз.)

5. Ван Хайянь. Чжун э юци до фанвэй хэцзо цюйдэ чжунда тупо, шэньхуа нэнюань чжаньлюе хэцзо гуаньси цзечу синь шого [Китайско-российское всестороннее практическое сотрудничество в нефтегазовой сфере достигло большого прорыва, углубление энергетического стратегического сотрудничества приносит новые плоды] // Гоцзи шию цзинцзи. 2014. № 1–2. С. 11–12. (На кит. яз.)

6. Ван Цинсун. Ши си данцянь оу я цзинцзи ляньмэн мяньлинь дэ наньти – цзянь лу юй сычоу чжи лу цзинцзи дай дэ дуйцзе [Анализ текущих

проблем, с которыми сталкивается ЕАЭС – при сопряжении с ЭПШП] // Оу я цзинцзи. 2016. № 2. С. 54–61. (На кит. яз.)

7. Гончаренко С.С., Прокофьева Т.А., Сергеев В.И. Лидирующая роль России в формировании северной зоны Евроазиатских международных транспортных коридоров: «Северный морской путь–Енисей–Северо-Российская Евразийская магистраль–Транссиб» // НИУ ВШЭ. 2011. Доступ: https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/74381713 (дата обращения: 10.01.2017).

8. Журавель В.П. Китай, Республика Корея, Япония в Арктике: политика, экономика, безопасность // Арктика и Север. 2016. № 4. С. 112–144.

9. Зоргоский А.В. Россия и Китай в Арктике: разногласия реальные или мнимые? // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 2. С. 63–71.

10. Казначеев П., Базалева Р. Сравнение роли частных и государственных нефтяных компаний в разработке месторождений на шельфе Арктики. М.: Центр сырьевой экономики РАНХиГС, 2015.

11. Каминский В.Д., Супруненко О.И., Смирнов А.Н. Минерально-сырьевые ресурсы арктической континентальной окраины России и перспективы их освоения // Арктика: экология и экономика. 2015. № 3 (15). С. 52–61.

12. Ли Ляньци. Элосы дуй бэйцзи цзыюань чжуцюань кунчжи дэ фалюй фэньси [Анализ законодательных норм по вопросу суверенного контроля России над арктическими ресурсами] // Элосы дун оу чжун я яньцзю. 2012. № 6. С. 23–29. (На кит. яз.)

13. Ли Синь. Чжун э юци хэцзо синь фачжань дэ тэчжэн доуъинь цзи инсян таньси [Исследование характеристики, стимулов и влияния нового развития китайско-российского нефтегазового сотрудничества] // Гоцзи лутань. 2016. Т. 18. № 1. С. 33–40. (На кит. яз.)

14. Ли Цзэвэй, Чэнь Сяньлян. Чжанлюе сецзо хобань гуаньси бэйцзинь ся чжун э юци хэцзо фэньси [Анализ китайско-российского нефтегазового сотрудничества в контексте стратегического партнерства сотрудничества] // Си бо ли я яньцзю. 2015. Т. 42. № 2. С. 9–14. (На кит. яз.)

15. Ли Цзяньминь, Ли Юнцюань. Оу я цзинцзи ляньмэн: лисян юй сяньши [Евразийский экономический союз: идеал и реальность] // Оу я цзинцзи. 2015. № 3. С. 1–8. (На кит. яз.)

16. Ли Чжэньфу, Ван Вэнья, Митько В.Б. Чжун э бэйцзи хэцзо цзоулан чжаньлюе гоусян [Исследование китайско-российского арктического коридора сотрудничества] // Дун бэй я лутань. 2017. № 1. С. 53–63. (На кит. яз.)

17. Ли Юнцюань. Хэ эр бутун: сычоу чжи лу цзинцзи дай юй оу я цзинцзи ляньмэн [Гармония в разнообразии: экономический пояс Шелкового пути и Евразийский экономический союз] // Элосы дун оу чжун я яньцзю. 2015. № 4. С. 1–6. (На кит. яз.)

18. Лу Цзюньюань, Чжан Ся. Чжунго бэйзци цюаньи юй чжэнцэ яньцзю [Арктические интересы и политика Китая]. М.: Шиши чубань шэ, Пекин, 2016. (На кит. яз.)

19. Лузянин С.Г., Чжао Хуашэн. Российско-китайский диалог: модель 2015. М.: Российский совет по международным делам, 2015.

20. Лю Яньцзюнь. И дай и лу чжаньлюе ся чжун э цюйюй цзинцзи хэцзо яньцзю [Анализ китайско-российского регионального экономического сотрудничества в контексте реализации стратегии «Одни пояс – один путь»]. М.: Китайский северо-восточный университет финансов и экономики, Далянь, 2016. (На кит. яз.)

21. Махмутов Т.А., Надараджа Х. Азиатские игроки в Арктике: интересы, возможности, перспективы. М.: Российский совет по международным делам. 2016.

22. Негреева В.В., Абаркина Д.В. Ямал СПГ: Новые риски и возможности российского ТЭК в Арктике // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент». 2016. № 4. С. 88–94.

23. Паничкин И.В. Разработка морских нефтегазовых ресурсов Арктики: текущее состояние и перспективы. М.: Российский совет по международным делам, 2016.

24. Песцов С.К., Толстокулаков И.А., Лабюк А.И., Колегова Е.А. Международное сотрудничество в Арктике: интересы и стратегии стран азиатско-тихоокеанского региона. Владивосток: Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2014.

25. Прогноз развития энергетики мира и России до 2040 года. М.: ИНЭИ РАН, 2014.

26. Сунь Кай, Ван Чэньгуан. Гоцзя лиъи шицзяо ся дэ чжун э бэйцзи хэцзо [Российско-китайское Арктическое сотрудничество с точки зрения национальных интересов] // Дун бэй я лутань. 2014. № 6. С. 26–34. (На кит. яз.)

27. Сяо Ян. Чжун э гунцзянь бэйцзи нэнюань цзоулан: чжаньлюе чжидянь юй туйцзинь лилу [Россия и Китай совместно строят арктический энергетический коридор: опорные точки и теоретический курс] // Дун бэй я лутань. 2016. № 5 (127). С. 109–117. (На кит. яз.)

28. Тянь Чуньжун. 2014 нянь чжунго шию хэ яньжаньци цзинь чу коу чжуанкуан фэньси [Нефтегазовый импорт/экспорт Китая в 2014 г.] // Гоцзи шиъю цзинцзи. 2015. № 3. С. 57–67. (на кит. яз.)

29. Тянь Чуньжун. 2015 нянь чжунго шию цзинь чу коу чжуанкуан фэньси [Нефтяной импорт/экспорт Китая в 2015 г.] // Гоцзи шиъю цзинцзи. 2016. Т. 24. № 3. С. 44–53. (на кит. яз.)

30. Тянь Чуньжун. 2016 нянь чжунго шию цзинь чу коу чжуанкуан фэньси [Нефтяной импорт/экспорт Китая в 2016 г.] // Гоцзи шиъю цзинцзи. 2017. Т. 25. № 3. С. 15–25. (на кит. яз.)

31. Чжан Баочэн, Ма Баолин, Гао Фэн. СПГ шичан дэ ячжоу ицзя вэньти фэньси цзи дуйцэ [Азиатский премиум на рынке СПГ и его контрмеры] // Тяньжаньци гунъе. 2015. Т. 35. № 7. С. 110–114. (На кит. яз.)

32. Чжао Лун. Бэйцзи чжили фаньши яньцзю [Анализ парадигмы управления в Арктике]. М.: Шиши чубань шэ, Пекин, 2014. (На кит. яз.)

33. Чэнь Сяньлян. Чжунго нэнюань аньцюань юй чжун э нэнюань хэцзо [Китайская энергетическая безопасность и китайско-российское энерге-

тическое сотрудничество] // Дун бэй я лутань. 2017. № 3 (131). С. 59–71. (На кит. яз.)

34. Швец Н.Н., Береснева П.В. Нефтегазовые ресурсы Арктики: правовой статус, оценка запасов и экономическая целесообразность их разработки // Вестник МГИМО. 2014. Т. 37. № 4. С. 60–67. Доступ: http://www.vestnik.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/007_04-2014_miep.pdf (дата обращения: 02.03.2017).

Sun Xiuwen

RUSSIAN-CHINESE ARCTIC ENERGY COOPERATION: CURRENT STATE, OPPORTUNITIES, AND PROSPECTS

Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991

The energy sphere is strategically important for the relations between Russia and China; it is also a priority area of Russian-Chinese Arctic cooperation. At the same time, between the two states there are certain contradictions still remaining due to the distinction of the strategic guidelines and interests, the differences in approaches to regulating economic activity in the Arctic and inexperience in the joint practical implementation of large-scale projects in the region. This article attempts to substantively analyze the current situation of Russian-Chinese Arctic cooperation, to emphasize the most promising areas of its development, which would bring bilateral relations to a qualitatively new level. The first part of the article briefly outlines the milestones in the development of Russian-Chinese interaction in the energy sphere in general and also in the Arctic region in particular. The second part analyzes the objective internal and external factors that determine the increased interests of Russia and China in the joint development of the Russian Arctic. The author concludes that the interests of the two states in the region are complementary and symmetric in the current conditions. However, for the time being, the practical implementation of the joint projects lags far behind the political agreements which have reached the highest level. In this regard, in the third part of the article, the author refers to the analysis of one of the most successful and dynamically developing joint Russian-Chinese initiative in the field of energy cooperation – the Yamal LNG project. The article focuses on the strategic, economic and political significance for two states, as well as the existing financial, macroeconomic, geopolitical, competitive risks associated with its implementation, and the possibilities of overcoming these risks. The author concludes that Russian-Chinese Arctic cooperation in the energy spahere could encourage cooperation in other areas, such as developing the Northern Sea Route as transit routes for delivering energy resources to the Asia-Pacific region and organizing the Russian-Chinese Arctic free trade zone in the future. Therefore, special attention is given to projects proposed conjugating the

Northern Sea Route and the Maritime Silk Road of XXI century, the Eurasian Economic Union and the Silk Road Economic Belt.

Keywords: Russia, RF, China, PRC, Arctic, Russian-Chinese relations, energy security, the Yamal LNG project, the Northern Sea Route, the Arctic free trade zone, the Eurasian Economic Union, 'One Belt, One Road'.

About the author: *Sun Xiuwen* – PhD Candidate, Faculty of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: sunxiuwen90@gmail.com).

REFERENCES

1. Bazaleva R., Kaznacheev P. 2015. Osvoenie Arkticheskogo shel'fa: regulirovanie i nalogooblozhenie neftyanykh kompanii v SShA, Rossii i Norvegii [Arctic shelf development: Regulation and taxation of oil companies in the United States, Russia and Norway]. *Ekonomicheskaya politika*, vol. 10, no. 2, pp. 110–132. (In Russ.)

2. Borodin K.A., Skripnichenko V.A. 2014. Formirovanie ratsional'nogo prirodopol'zovaniya pri osvoenii morskikh neftyanykh mestorozhdenii v Arktike [Establishment of rational environmental management at oil field development in the Arctic]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, no. 5, pp. 116–124. (In Russ.)

3. Braginskii O.B. 2006. *Neftegazovyi kompleks mira* [Global oil and gas complex]. Moscow, Izdatel'stvo 'Neft' i gaz' Publ. (In Russ.)

4. Wang Xinhe. 2013. Guojia liyi shijiao xia de zhongguo beiji shenfen [China's Arctic identities from the perspective of national interests]. *Tai ping yang xuebao*, vol. 21, no. 5, pp. 81–89. (In Chin.)

5. Wang Haiyan. 2014. Zhong e youqi duo fangwei wushi hezuo qude zhongda tupo, shenhua nengyuan zhanlve hezuo guanxi jiechu xin shuoguo [The multi-direction oil and gas pragmatic cooperation between China and Russia made a major breakthrough*, deepening the energy strategic cooperative relations makes fruitful outcomes]. Guoji shiyou jingji*, no. 1–2, pp. 11–12. (In Chin.)

6. Wan Qingsong. 2016. Shi xi dangqian ou ya jingji lianmeng mianlin de nanti – jianlun yu sichou zhilu jingjidai de duijie [Analyze the current problems encountered by the Eurasian Economic Union – in conjunction with the Silk Road Economic Belt*]. Ou ya jingji*, no. 2, pp. 54–61. (In Chin.)

7. Goncharenko S.S., Prokof'eva T.A., Sergeev V.I. 2011. *Lidiruyushchaya rol' Rossii v formirovanii severnoi zony Evroaziatskikh mezhdunarodnykh transportnykh koridorov: 'Severnyi morskoi put'–Enisei–Severo-Rossiiskaya Evraziiskaya magistral'–Transsib'* [The leading role of Russia in the formation of the northern zone of the Euro-Asian international transport corridors: 'The Northern Sea Route–Yenisei–North-Russian Eurasian Highway–Transsib']. HSE Publ. Available at: https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/74381713 (accessed: 10.01.2017). (In Russ.)

8. ZHuravel' V.P. Kitaj, Respublika Koreya, YAponiya v Arktike: politika, ehkonomika, bezopasnost' [China, Republic of Korea and Japan in the Arctic: politics, economy, security]. Arktika i Sever, 2016, no 4, pp. 112 –144. (In Russ.)

9. Zorgoskii A.V. 2016. Rossiya i Kitai v Arktike: raznoglasiya real'nye ili mnimye? [Russia and China in the Arctic: Real or alleged disagreements?]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 60, no. 2, pp. 63–71. (In Russ.)

10. Kaznacheev P., Bazaleva R. 2015. *Sravnenie roli chastnykh i gosudarstvennykh neftyanykh kompanii v razrabotke mestorozhdenii na shel'fe Arktiki* [Private and state oil companies in Arctic shelf development]. Moscow, Tsentr syr'evoi ekonomiki RANHiGS Publ. (In Russ.)

11. Kaminskii V.D., Suprunenko O.I., Smirnov A.N. 2014. Mineral'no-syr'evye resursy arkticheskoi kontinental'noi okrainy Rossii i perspektivy ikh osvoeniya [Mineral Resources of the Russian Arctic Continental Margin and Prospects for Their Development]. *Arktika: ekologiya i ekonomika*, no. 3, pp. 52–61. (In Russ.)

12. Li Lianqi. 2012. Eluosi dui beiji ziyuan zhuquan kongzhi de falv fenxi [Analysis of legislative norms on the sovereign control over the Arctic resources in Russia*]. Eluosi zhongya dongou yanjiu*, no. 6, pp. 23–29. (In Chin.)

13. Li Xin. 2016. Zhong e youqi hezuo xin fazhan de tezheng dongyin ji yingxiang tanxi [Analysis of determinants and impact of the breakthrough in Sino-Russian oil and gas cooperation]. *Guoji luntan*, vol. 18, no. 1, pp. 33–40. (In Chin.)

14. Li Zewei, Chen Xianliang. 2015. Zhanlve xiezuo huoban guanxi beijing xia zhong e youqi hezuo fenxi [Analysis the Sino-Russian oil and gas cooperation in the context of strategic partnership]. *Xi bo li ya yanjiu*, vol. 42, no. 2, pp. 9–14. (In Chin.)

15. Li Jianmin, Li Yongquan. 2015. Ouya jingji lianmeng: lixiang yu xianshi [The Eurasian Economic Union: Ideal and reality]. *Ouya jingji*, no. 3, pp. 1–8. (In Chin.)

16. Li Zhenfu, Wang Wenya, Mitko V.B. 2017. Zhong e beiji hezuo zoulang jianshe gouxiang [The study of Sino-Russian Arctic route cooperation corridor]. *Dong bei ya luntan*, no. 1. pp. 53–63. (In Chin.)

17. Li Yongquan. 2015. He er butong: sichou zhilu jingji dai yu ouya jingji lianmeng [Harmony in diversity: the Silk Road Economic Belt and the Eurasian Economic Union]. *Eluosi dongou zhongya yanjiu*, no. 4. pp. 1–6. (In Chin.)

18. Lu Junyuan, Zhang Xia. *2016. Zhongguo beiji quanyi yu zhengce yanjiu* [China's Arctic interests and policy]. *M.: Shishi chuban she, Beijing.* (In Chin.)

19. Luzyanin S.G., Chzhao Khuashen. 2015. *Rossiisko-kitaiskii dialog: model' 2015* [Russian-Chinese dialogue: 2015 pattern]. Moscow, Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam (In Russ.)

20. Liu Yanjun. *2016. Yi dai yi lu zhanlve xia zhong e quyu jingji hezuo yanjiu* [Research on Sino-Russian regional economic cooperation in the context of the Silk Road Economic Belt and the 21st Century Maritime Silk Road strategy]. *M.: Dongbei caijing daxue, Dalian*. (In Chin.)

21. Makhmutov T.A., Nadaradzha Kh. 2016. *Aziatskie igroki v Arktike: interesy, vozmozhnosti, perspektivy* [Asian actors in the Arctic: Interests, opportunities, prospects]. Moscow, Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam. (In Russ.)

22. Negreeva V.V., Abarkina D.V. 2016. Yamal SPG: Novye riski i vozmozhnosti rossiiskogo TEK v Arktike [Yamal LNG: new risks and opportunities of Russian energy sector in the Arctic]. *Nauchnyi zhurnal NIU ITMO. Seriya 'Ekonomika i ekologicheskii menedzhment'*, no. 4, pp. 88–94. (In Russ.)

23. Panichkin I.V. 2016. *Razrabotka morskikh neftegazovykh resursov Arktiki: tekushchee sostoyanie i perspektivy* [The Arctic offshore oil and gas development: Current state and prospects]. Moscow, Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam. (In Russ.)

24. Pestsov S.K., Tolstokulakov I.A., Labyuk A.I., Kolegova E.A. 2014. *Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v Arktike: interesy i strategii stran aziatsko-tikhookeanskogo regiona* [International cooperation in the Arctic: Interests and strategies of the Asian and Pacific countries]. Vladivostok: Institut istorii, arkheologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka DVO RAN. (In Russ.)

25. *Prognoz razvitiya energetiki mira i Rossii do 2040 goda* [Forecast of world and Russia's energy development up to 2040]. 2014. Moscow, INEI RAN. (In Russ.)

26. Sun Kai, Wang Chenguang. 2014. Guojia liyi shijiao xia de zhong e beiji hezuo [Analysis of Sino-Russia Arctic cooperation from the perspective of national interests*]. Dong bei ya luntan*, no. 6. pp. 26–34. (In Chin.)

27. Xiao Yang. 2016. Zhong e gongjian beiji nengyuan zoulang: zhanlve zhidian yu tuijin lilu [On the Sino-Russia co-construction of the Arctic energy corridor: Key points and theoretical outlook]. *Dong bei ya luntan*, no. 5 (127), pp. 109–117. (In Chin.)

28. Tian Chunrong. 2015. 2014 nian zhongguo shiyou he tianranqi jin chu kou zhuangkuang fenxi [China's 2014 oil and gas import/export]. *Guoji shiyou jingji*, vol. 23, no. 3, pp. 57–67. (In Chin.)

29. Tian Chunrong. 2016. 2015 nian zhongguo shiyou jin chu kou zhuangkuang fenxi [China's 2015 oil imports and exports]. *Guoji shiyou jingji*, vol. 24, no. 3, pp. 44–53. (In Chin.)

30. Tian Chunrong. 2017. 2016 nian zhongguo shiyou jin chu kou zhuangkuang fenxi [China's 2016 oil imports and exports]. *Guoji shiyou jingji*, vol. 25, no. 3, pp. 15–25. (In Chin.)

31. Zhang Baocheng, Ma Baoling, Gao Feng. *2015.* LNG shichang de yazhou yijia wenti fenxi ji duice [Asian premium in LNG market and its countermeasures]. *Tian ran qi gongye*, vol. 35, no. 7, pp. 110–114. (In Chin.)

32. Zhao Long. 2014. *Beiji zhili fanshi yanjiu* [The Arctic governance paradigm*].* M.: Shishi chuban she, Beijing. (In Chin.)

33. Chen Xianliang. 2017. Zhongguo nengyuan anquan yu zhong e nengyuan hezuo [China's energy security and Sino-Russian energy cooperation]. *Dong bei ya luntan*, no. 3 (131), pp. 59–71. (In Chin.)

34. Shvets N.N., Beresneva P.V. 2014. Neftegazovye resursy Arktiki: pravovoi status, otsenka zapasov i ekonomicheskaya tselesoobraznost' ikh razrabotki [Oil and gas in Arctic: Legal status, reserves estimate and economic feasibility study]. *Vestnik MGIMO*, vol. 37, no. 4, pp. 60–67. (In Russ.)